

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 3**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 3 / Нет автора – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 360 с.

ISBN 978-5-458-04653-4

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04653-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ редакціи.

Выпуская въ свѣтъ первую книгу новаго журнала, мы высказали убѣжденіе, что специальный органъ философіи и психологіи долженъ удовлетворить нѣкоторымъ несомнѣннымъ умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ, назрѣвшимъ въ нашемъ обществѣ. Отношеніе русскаго общества и печати къ нашему начинанію вполне подтвердило означенное предположеніе. Отъ души желаемъ и будемъ всѣми силами стремиться найти постепенно,—при содѣйствіи опыта и указаній лицъ, преданныхъ дѣлу русскаго просвѣщенія,—всѣ пути для всесторонняго и полнаго удовлетворенія тѣхъ духовныхъ запросовъ русскаго читателя, на которые можетъ отвѣчать только правильно поставленный философскій органъ.

Въ выставленной нами программѣ журнала наиболѣе строгой критикѣ со стороны нѣкоторыхъ представителей печати подверглось наше заявленіе о томъ, что журналъ „Вопросы философіи и психологіи“ будетъ органомъ мыслителей различныхъ направленій. Въ основѣ высказанныхъ по этому поводу сѣтованій лежитъ несомнѣнно недоразумѣніе.

Отъ *политическаго* органа можно требовать, чтобы онъ имѣлъ однообразные и непоколебимые принципы, настойчиво проводимые въ области всѣхъ вопросовъ, имъ обсуждаемыхъ, ибо политическій журналъ имѣетъ главнѣйшею задачею непо-

средственное руководство своихъ читателей къ дѣятельности и возрѣніямъ извѣстнаго характера, съ опредѣленной и цѣльной программой.

Совершенно другое дѣло—органъ *философскій*. Философы, на основаніи единственно правильнаго, исторически и психологически оправданнаго пониманія ихъ отношенія къ прочимъ людямъ, имѣютъ главною цѣлью то „повиваніе“ мыслей,—то содѣйствіе *самостоятельному* рожденію правильныхъ выводовъ и здоровыхъ стремленій, о которомъ говорили еще Сократъ и Платонъ. Давленія на волю и плѣненія убѣжденій прочихъ смертныхъ—философъ, по самому духу философіи, не въ правѣ допускать и не долженъ желать. Онъ можетъ только стремиться къ разумному убѣжденію и нравственному воздѣйствію на читателя, въ предѣлахъ свободнаго и всесторонняго *теоретическаго* обсужденія основныхъ вопросовъ жизни и знанія. Цѣль его—не въ достиженіи непосредственныхъ практическихъ результатовъ, а въ общемъ развитіи человѣческаго сознанія и воли. Въ этомъ смыслѣ не только каждый философъ останется всегда по праву самостоятельнымъ, относительно всѣхъ другихъ философовъ, и будетъ искать воплощенія своей собственной, оригинальной мысли, но и каждый слушатель и читатель философа, подъ его-же вліяніемъ и руководствомъ, будетъ стремиться и *долженъ* стремиться къ свободному и самостоятельному труду мысли. Бороться противъ развитія такого критическаго духа въ овружающемъ обществѣ философу никакъ не пристало, такъ какъ его задача именно въ томъ, чтобы это критическое направленіе мысли вызвать, поддержать и укрѣпить сообщеніемъ настоящихъ знаній по философіи. Философскій журналъ, строго выдерживающій одно направленіе, могъ-бы быть только органомъ одного лица, одной философской *школы*, но не философіи въ ея цѣломъ. Поэтому коллективная работа философовъ надъ созиданіемъ философіи должна быть основана на свободномъ федеративномъ началѣ. Терпимость есть самая сущность и самый духъ философіи.

Терпимость не есть равнодушіе къ истинѣ: она служитъ выраженіемъ спокойнаго и непоколебимаго убѣжденія въ конеч-

номъ торжествѣ той истины, въ которую самъ глубоко вѣришь. вмѣстѣ съ тѣмъ она есть выраженіе сознанія, что полнота истины достигается лишь совокупною работою многихъ человѣческихъ умовъ во имѣ общихъ идеальныхъ цѣлей, хотя-бы и разнѣ опредѣляемыхъ: только взаимная повѣрка знаній, убѣжденій и стремленій различныхъ людей можетъ привести въ концѣ концовъ къ истинѣ всеобъемлющей, всѣ вопросы исчерпывающей и всѣ разногласія примиряющей *).

Стремленіе примирить всѣ направленія мысли въ одномъ высшемъ синтетическомъ міросозерцаніи не есть отреченіе отъ одной общей руководящей задачи. Эта задача, опредѣляемая самымъ существомъ свободной человѣческой мысли, — *критическое* изслѣдованіе, чуждое всякому самодовольному и близорукому догматизму. Знамя критики есть совершенно реальное знамя; оно есть знамя свободы и самостоятельности человѣческой личности. Поэтому напрасно упрекали нашъ журналъ въ отсутствіи „знамени“. Мы не вывѣшивали флага только потому, что не свойственно философамъ дорожить внѣшними символами болѣе, нежели идеями. Идеи-же свои мы выразили достаточно ясно.

*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что и на западѣ большая часть философскихъ журналовъ, несмотря даже на заявленное нѣкоторыми изъ нихъ въ началѣ опредѣленное направленіе, не выдерживаютъ его строго и даютъ мѣсто статьямъ самаго разнообразнаго философскаго направленія. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на „Revue philosophique“ и на „Mind.“ Значительною терпимостью въ частныхъ случаяхъ отличается и „Vierteljahrsschrift f. wissenschaft. Philosophie“. Безусловно прямолинейные, въ философскомъ отношеніи, журналы, въ родѣ „Revue positive“ Вырубова и „Revue critique“ Рензье, неизбежно погибаютъ, ибо эта прямолинейность противорѣчитъ духу философіи, какъ изслѣдованія, свободного отъ догматовъ и непрерывно повѣряющаго самую основную посылку знанія.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ.

Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ.

(Психологическій этюдъ.)

Почти все писанное Лермонтовымъ имѣетъ автобіографическое значеніе.

Пав. Висковатый.

Вѣрнѣйшее изображеніе личности Лермонтова все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ выказывается вполне такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться.

Боденштедтъ.

Свѣдѣнія наши объ обстоятельствахъ жизни Лермонтова крайне скудны и сбивчивы. По нимъ мы можемъ только въ самыхъ общихъ чертахъ воспроизвести его біографію. Но за то мы имѣемъ передъ собою его произведенія, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась его внутренняя жизнь съ тринадцатилѣтняго возраста и до самой смерти. Всѣ эти произведенія проникнуты тяжелымъ, горькимъ чувствомъ, что и заставляло его говорить о своихъ стихахъ:

„Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать!“¹⁾

¹⁾ „Полное собраніе сочиненій Лермонтова“. Изданіе пятое (1882 г.). II т., 142 стр. „Толпѣ“ (1831 г.).

Однако въ этихъ полныхъ глубокаго горя произведеніяхъ постоянно проскальзываетъ воспоминаніе о другомъ болѣ раннемъ времени, бывшемъ до начала его творческой дѣятельности и являвшемся для него въ послѣдствіи тѣмъ-же, чѣмъ являлось для демона то время,

„Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ ему его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый“²⁾.

Этимъ временемъ, этимъ потеряннымъ раемъ было для Лермонтова его дѣтство. Даже тогда, когда онъ, окончательно разочаровавшись въ жизни, говорилъ про нее, что „она, бесспорно, скверное наслѣдство“, онъ все-таки исключалъ изъ этого опредѣленія „два-три дня, да дѣтство“³⁾. Среди свѣтскаго шума, когда вокругъ него мелькали такъ ненавидимые ему „образы бездушные людей—приличьемъ стянутыя маски“, онъ любилъ уноситься въ свое воображеніе къ тому періоду, когда онъ былъ ребенкомъ, и память объ этихъ дняхъ, говорить онъ:

..... „жива понинѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ“⁴⁾.

Беззаботный дѣтскій возрастъ является для большинства людей самымъ отраднымъ воспоминаніемъ во время „тягостныхъ сомнѣній и страстей“. Но для Лермонтова этотъ возрастъ былъ не періодомъ спокойнаго, полубезсознательнаго существованія, а напротивъ того такимъ временемъ, о которомъ онъ вспоминалъ въ послѣдствіи, какъ о самомъ выдающемся по богатству внутренней жизни. Не имѣя сверстниковъ, будучи окруженъ постоянно взрослыми и прове-

²⁾ „Демонъ“, I т. стр. 110 (1838 г.).

³⁾ „Сашка“, II т. 318 стр. (1833 г.).

⁴⁾ „Первое января“. I т. 182 стр. (1840 г.).

дя вслѣдствіе тяжелой болѣзни долгое время въ постели, онъ преждевременно развился, привыкъ сосредоточиваться въ себѣ самомъ и жить въ своемъ воображеніи. Въ это время, говоря его словами—

„Онъ началъ думать, строить міръ воздушный
И въ немъ терялся мыслію послушной“⁵⁾.

Онъ весь погрузился въ этотъ созданный его воображеніемъ „воздушный міръ“ и жилъ въ немъ всѣмъ своимъ существомъ.

„Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнию иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ.
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!“⁶⁾

Это былъ тотъ періодъ, когда Лермонтовъ, не стѣсняемый окружающей его дѣйствительностью, создалъ своей творческой фантазіей грандіозную жизнь, въ которой онъ въ краткій часъ переживалъ вѣка и имѣлъ дѣло только съ величавыми образами неба или ада. Весь міръ населенъ былъ его воображеніемъ существами, изъ которыхъ одни были олицетвореніемъ добра, другія—зла. Какъ первыя возбуждали въ немъ полную и сильную любовь, такъ вторыя—такую-же полную и безусловную ненависть. Жизнь, въ которую ему предстояло вступить, являлась передъ нимъ въ очаровательно-розовомъ свѣтѣ и непреодолимо влекла его къ себѣ. Ему хотѣлось скорѣе проникнуть въ самую суть этой жизни, познать душу человѣческую. Въ своей драмѣ „Люди и страсти“ въ уста Юрія, въ лицѣ котораго онъ несомнѣнно изображаетъ себя, онъ вкладываетъ слѣдующія слова: „Помнишь ли, какъ нетерпѣливо я старался узнавать сердце че-

⁵⁾ „Сашка“ II т. 321 стр. (1833 г.).

⁶⁾ „1831 года 11 іюня“, т. II стр. 145.

ловѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ" 7).

Когда окончился у Лермонтова этотъ періодъ радужныхъ надеждъ — мы точно опредѣлить не можемъ. Несомнѣнно только, что къ тринадцати годамъ, т.-е. къ тому времени, съ котораго мы имѣемъ его произведенія, онъ уже успѣлъ увидать, что созданный его воображеніемъ міръ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному; настоящая жизнь, съ которой ему пришлось ближе столкнуться, пошатнула сложившееся въ его дѣтскомъ умѣ представленіе о жизни, и оно рухнуло, какъ непрочно построенное зданіе отъ напора сильнаго вѣтра.

„Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье,
И цѣпью ихъ связалъ между собой;
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!“ 8)

Послѣ жизни, созданной его воображеніемъ, гдѣ всѣ образы его „не походили на существъ земныхъ“, а „все было адъ иль небо въ нихъ“, дѣйствительная обыденная жизнь, окружавшая его, должна была показаться ему мелкой, ничтожной, лишенной интереса, жалкой карриатурой на то, чего онъ ожидалъ. „Я вступилъ въ эту жизнь“, говоритъ онъ: „переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ“ 9)

Но кромѣ этого разочарованія въ окружавшей его жизни, показавшейся ему слишкомъ мелочной, скучной и сѣренькой, можно прослѣдить, какъ постепенно образуется у него разочарованіе и въ людяхъ, создающихъ эту жизнь. Чтобы понять причины этого разочарованія, намъ надо имѣть въ

7) Юн. Др. 136 стр. (1830 г.).

8) „Русская мелодія“, т. II стр. 26 (1829 г.).

9) „Герой нашего времени“, т. I стр. 406 (1839 г.).